

Для историка, не замечаящего приятствий, церковное служение Данте кажется столь надежно установленным, что можно задаваться вопросом о том, когда и как Данте прошел обучение. О. Мандонне начинает с утверждения, что Данте принял посвящение в возрасте 18 лет, то есть в 1283 г. С другой стороны, смерть Беатриче, «то есть отречение от духовного звания», последовала в 1290 г. Отсюда следует, что Данте был клириком в течение семи лет. Таким образом, проблема заключается в том, чтобы установить: «Чем занимался Данте с восемнадцати до двадцати пяти лет?».

Может вызвать удивление тот факт, что подобные выводы содержатся в книге, основанной на предположении о чисто символическом характере всего творчества Данте. Ибо оказывается, что именно в этом пункте оно действительно символично. Если допустить, как надлежало бы, что весь счет времени в «Новой жизни» опирается на символику числа три, то мы теряем право трактовать хронологию как последовательность дат, имеющих какой-либо исторический смысл. После того, как мы превратили в чистый символ персонаж, который у Данте предстает как реальный, было бы довольно-таки парадоксальным считать реальными датами те числа, символику которых объясняет сам Данте. Поэтому скажем, что мы не знаем, в каком возрасте Данте принял посвящение в церковнослужители, если вообще принял¹. Мы также не знаем, сколько времени продолжалось его учение, и было бы напрасно пытаться узнать, чему он мог научиться между восемнадцатью и двадцатью пятью годами. По крайней мере, было бы напрасно пытаться это сделать таким способом и по таким соображениям, ибо о. Мандонне вступил на этот путь по соображениям чисто личного порядка.

В самом деле, мы безошибочно констатируем здесь одну из тайных закономерностей, строжайшим образом направляющих дан-

¹ Этой гипотезе формально противоречит свидетельство Giovanni Villani, *Cronica*, lib. IX, 136: «Questi fue grande letterato quasi in ogni scienza, tutto fosse

нее сближает его с доминиканцами. Подтверждения этой законности поистине неисчислимы. Конечно, о. Мандонне не притязает на то, что Данте был членом доминиканского ордена. *Он даже не намекает на это*, так как, чтобы иметь на это право, нужны позитивные документальные свидетельства, которых *в настоящее время нет*¹. Да и что нам в этих документальных свидетельствах, коль скоро «Данте по всему своему интеллектуальному складу, философским и богословским убеждениям является томистом, то есть доминиканцем». Итак, всякий томист — полноправный доминиканец. Будучи убежден, что Данте был и тем, и другим, о. Мандонне повсюду видит тому доказательства. Во-первых, та из дочерей поэта, которую отец назвал Беатриче, приняла монашеский постриг в доминиканской обители Равенны. Почему? Потому что ее отец, «несомненно, наставил ее на этот путь, чтобы вернуть Церкви в лице одного из своих детей то, что отнял у нее сам, отрекшись от духовного звания»². В самом деле, Данте не был монахом; но, *если бы он им был*, то был бы доминиканцем. Вот почему, *если бы веревка из Ада, XVI, 106 была монашеским поясом*, это был бы не пояс францисканца, но *повязка на чресла*, которую носили доминиканцы³. Так и здесь: чтобы исправить проступок отца, который не только должен был остаться клириком, но и сделаться доминиканцем, нужна дочь-доминиканка. Вот почему, комментируя знаменитый сон Данте из «Новой жизни», XII, и дойдя до того места, где появляется отрок в «белоснежных одеждах», о. Мандонне не колеблется: во-первых, этот отрок — монах; во-вторых, он — монах-проповедник; в-третьих, этот монах-проповедник, столь по-дружески усевшийся

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 101.

² P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 101.

обо всем этом ни слова. Мы не узнаем от него ни того, был ли отрок монахом, ни того, были ли его белоснежные одежды одеждой доминиканца или цистерцианца, ни, того менее, был ли сей отрок его духовным наставником, явившимся к нему на дом. Вся эта интерпретация — сновидение о сновидении, и мы еще не исчерпали его до дна.

Чтобы истолковать сон Данте, о. Мандонне обращается к тому знаменитому эпизоду «Новой жизни», где Беатриче отказывает Данте в своем поклоне. Такой отправной пункт выбран удачно, потому что именно волнение Данте, вызванное отказом Беатриче приветствовать его, послужило поводом ко сну, который нужно истолковать. Отметим, что сам Данте потрудился сказать нам в главе X, что поклон Беатриче был для него «невыносимым блаженством», природу и следствия которого он подробно описывает. Не обращая внимания на объяснение автора, о. Мандонне интерпретирует «поклон» Беатриче как «семь чинов, из которых последним является священство». Таким образом, отказавшись приветствовать Данте, Беатриче просто отказала ему в семи чинах, как меньших, так и больших, уже после того, как он остановился на пороге священства. Эта Беатриче — поистине самое капризное из религиозных призваний! Еще более или менее понятно, что человек может иметь призвание и отречься от него; но непонятно, как может существовать призвание, непрестанно отрицающее само себя. Единственный способ выйти из затруднительного положения состоит в том, чтобы совершить еще один перенос символики Беатриче и внутри «христианской жизни», которую она представляет, отыскать того, кто уполномочил ее отказать Данте в посвящении. Очевидно, этим

¹ P. Mandonnet, *op. cit.*, p. 118. — С точки зрения L. Pietrobono (*Il poema sacro*, vol. I, p. 55), данный персонаж означает Любовь. Возможно, хотя Данте этого не говорит. Кроме того, это могла быть галлюцинация и даже «аутокопия», то есть удвоение или даже «почти проекция самого себя», вроде той, что припи-

Флоренции, — знает, Беатриче пообещавшая епископом Флоренции. Итак, религиозное призвание Данте — не просто исторический факт, о котором нам известно лишь то, что он имел место; мы также знаем его подробности: Данте был кандидатом на посвящение в меньший чин, когда епископ Флоренции отказал ему в ординации¹.

Чтобы выяснить конкретную причину этого отказа, достаточно расшифровать разговор Данте с его «духовным отцом», символическим собеседником: разговор, ключ к которому дает церковное служение Данте. Некоторое время отрок в белоснежных одеждах глядел на поэта, а затем сказал так: «Сын мой, пришло время расстаться с нашими ложными подобиями». Он сказал: «Сын мой» — значит, Данте был «его духовным сыном. Что касается *simulacres* [подобий], с которыми пришло время расстаться, речь идет об ученых занятиях, не являющихся первостепенно важными для призвания Данте. Философия есть не более чем подобие теологии². Теперь понятен смысл этого визита. В глубине души «духовный отец» весьма задет. Небрежение, проявляемое Данте, ставит его в ложное положение — между кандидатом на священнослужение, пренебрегающим теологией, и епископом Флоренции, который жалуется на него. Именно это «духовный отец» и растолковывает Данте, говоря: «Я помещаюсь на равном расстоянии от тебя и церковных властей, в глазах которых я несу ответственность за тебя. Ты же находишься в ином положении, нежели я, чтобы судить о твоём деле». По крайней мере, именно так прочитывает это место о Мандонне, которому в данном случае повезло больше, чем самому Данте: тот просто признается, что ничего не понял, и просит отрока разъяснить темные речи. «Не спрашивай более того, нежели тебе полезно знать», — отвечает призрак. Не утратив присутствия духа, Данте допытывается у своего «духовного отца» «почему Беатриче отказала ему в поклоне, то есть

му что ты пренебрегаешь теологией. Все встает на свои места, когда мы узнаем новые исторические подробности этого беспокойного церковнослужения: «Вмешательство наставника Данте, похоже, успокоило церковное начальство, и молодой человек был допущен к посвящению в меньший чин»². Мы даже знаем, что, отказавшись сделать шаг, предписанный посвящаемому в иподиаконы, Данте закончил на этом свою карьеру. Мы это знаем; но только теперь мы узнали также причину этого. В самом деле, Данте говорит нам, что его духовный отец мертв³. О. Мандонне, несомненно, посчитав его слишком молодым, чтобы умереть, усматривает здесь не что иное, как указание «на удаление Данте из Флоренции». Во всяком случае, «этому удалению, каковым бы оно ни было, суждено было оказать значительное влияние на призвание Алигьери. В самом деле, уже в следующей главе Данте повествует о своей нравственной смерти и о смерти Беатриче, что означает, вообще говоря, одно и то же событие»⁴.

Спокойная уверенность о. Мандонне, который всё это пишет, оказывает буквально гипнотическое воздействие. Подобная уверенность тем более заразительна, что читатель, на протяжении более сотни страниц находившийся под ее влиянием, совершенно потерял из вида «Новую жизнь» самого Данте и думает лишь о «Новой жизни» о. Мандонне. Добавим к этому, что само количество ошибок, на которых основана интерпретация о. Мандонне, практически исключает возможность заподозрить об их существовании. Тем не менее, они существуют — и спасают нас от чар этой убежденности, чрезвычайно искусной в деле убеждения других. Например, можно было бы согласиться со всем тем, что нам твердят об отроке в белоснежных одеждах: что это — духовный отец Данте, доминиканец, посредник между Данте и епископом, гарант священническо-

Зато можно с полной уверенностью утверждать, что, если отрок из главы XII «Новой жизни» — символ всего перечисленного, то в главе XXII того же сочинения умирает не он. Достаточно обратиться к тексту, чтобы удостовериться в этом: «После этого, по прошествии немногих дней, согласно воле преславного Господа, который не отклонил смерти и от себя, тот, кто был родителем столь великого чуда, каким была благороднейшая Беатриче... уходя из этой жизни, истинно отошел к вечной славе»¹. Затем Данте описывает великую скорбь Беатриче — превосходной дочери столь прекрасного человека. Как видим, между этими двумя «отцами» нет ни малейшего сходства. Кроме того, если Данте действительно имел в виду лишь одного «отца», нельзя не спросить с величайшим изумлением: каким образом за те семь лет, которые, согласно о. Мандонне, отделяют посвящение Данте от окончательного отказа от призвания, отрок из главы XII успел стать отцом двадцатилетней девицы? Ответа доискиваться бесполезно, потому что ничего подобного нет в тексте Данте; однако стоит попытаться понять, каким образом всё это очутилось в голове о. Мандонне.

Можно попытаться хотя бы угадать это, если вступить в игру, чарующую его воображение. По правилам этой игры, кто такая Беатриче? В данном случае она есть духовное призвание Данте. А кто такой отец Беатриче? Это отец духовного призвания Данте. Но кто тогда отрок в белоснежных одеждах? Духовный отец Данте, то есть отец его духовного призвания. Остается констатировать два равенства. Во-первых, если Беатриче — это духовное призвание Данте, то отец духовного призвания Данте есть также отец Беатриче; но отрок из главы XII — отец духовного призвания Данте; значит, он — отец Беатриче. Во-вторых, так как отец Беатриче умирает в главе XXII, значит, в этой главе умирает именно отрок в белоснежных одеждах. Всё это настолько очевидно в глазах о. Мандонне, что

Поспешим к концу этой печальной истории. Тоскующий «отрок-отец Беатриче» мертв, «Беатриче-призванию» не остается ничего другого, как умереть. Именно это она не замедлила сделать в главе XXVIII, которая начинается следующими словами: «*Quomodo sedet sola civitas plena populo! Facta est quasi vidua domina gentium*» («Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал как вдова, великий между народами»). Данте окончательно утратил духовное звание; он уже никогда не будет иподиаконом: неудивительно, что весь город в трауре! Столь поразительное утверждение является, тем не менее, одним из тех, за которые о. Мандонне держится особенно крепко — по той простой причине, что только оно позволяет ему вообразить, почему Данте скрыл свою личную историю под покровом аллегории. В конце концов, к чему бы тогда свелось темное повествование «Новой жизни»? Личная история Данте была бы историей падения, поскольку повествовала бы об утрате призвания. Вот почему в «Новой жизни» не говорится, что Беатриче — всего лишь символ теологии: «Данте не намерен кричать с крыш о том, что он был клириком, но отказался от своего призвания». Таков оказался бы — в очередной раз — подлинный смысл этого сочинения и его символики: Алигьери оставил теологию ради философии, или, если угодно, «любовь к философии вытеснила любовь к Беатриче»¹.

Мне хотелось бы найти вежливый способ сказать о том, что комментарий полностью противоречит практически любой странице комментируемого текста. Если такой способ существует, прошу прощения за то, что не сумел его найти; но экзегеза о. Мандонне наводит на следующие мысли. Прежде всего, если бы ее выводы были обоснованными, непонятно, для чего Данте написал «Новую жизнь». Падший клирик, столь мало гордящийся своим падением, не имел никаких причин рассказывать о нем. Могут возразить, что он и не рассказывает, «а хочет, чтобы о нем догадались». Но если

препятствия, противостоящих тезису о. Мандонне.

Первое препятствие таково. Нас хотят убедить, что смерть Беатриче означает смерть духовного призвания Данте — событие, которое он не стремился афишировать. Но в главе XXVIII «Новой жизни» — в той самой главе, где Данте говорит о смерти Беатриче, — он заявляет, что не намерен рассказывать об этом по трем причинам. Первая — та, что это не относится к предмету книги, о чем свидетельствует вступление к ней. Вторая — та, что, даже если бы это относилось к предмету книги, Данте не сумел бы рассказать об этом как должно. «Третья — та, что, даже если бы и было налицо то и другое, не пристало мне рассказывать об этом, потому что, рассказывая, пришлось бы мне восхвалять самого себя, каковая вещь до крайности позорна для того, кто делает ее»². Комментаторы теряются в догадках относительно того, за что Данте мог бы восхвалять себя в этой связи. У меня нет ни малейшего представления об этом; однако я считаю, что, какова бы ни была тому причина (и даже если допустить, что перед нами — просто литературный прием), нельзя утверждать в одно и то же время, что Данте в символе смерти Беатриче представил свое отречение от церковного служения, и что он отказался комментировать смерть Беатриче потому, что не мог бы этого сделать, не восхваляя самого себя. Нельзя потому, что Данте, как нам его представляют, настолько стыдился своего отречения, что даже говорил о нем лишь в завуалированной форме.

Но это первое препятствие, на которое наталкивается тезис о. Мандонне, — ничто перед вторым препятствием. Данте не мог символизировать утрату духовного звания в образе женщины, которую он с того дня, как впервые увидел, и до самой ее смерти не переставал любить. Если Беатриче — духовное призвание Данте, он был страстно влюблен в это призвание. Если Беатриче — это сим-

дозы правдоподобия, в которой нуждается интерпретация текста, чтобы можно было ее отстаивать. Например, в данном случае представляется разумным согласиться с тем, что, если бы Беатриче символизировала духовное призвание Данте, и если бы «Новая жизнь» повествовала о том, как после долгих колебаний он наконец-то решил от нее отказаться, то какие-то следы этих колебаний и отречения должны были проявиться в его чувствах к живой Беатриче. Между тем достаточно перечитать «Новую жизнь» с любого места, чтобы убедиться: ничего похожего там нет. Несомненно, Беатриче умерла; но Данте нигде не признаёт себя виновным в ее смерти. Не он ее покидает, а она уходит. Беатриче умирает любимой. Когда до него дошла эта страшная новость, он как раз заканчивал два прекраснейших сонета в ее честь¹ и, упрекая себя за то, что описывал предмет своей любви, не касаясь ее действий, начал слагать *Канцону XXVII* главы:

Так длительно любовь меня томила
И подчиняла властности своей,
Что как в былом я трепетал пред ней,
Так ныне сердце сладость полонила.

Пусть гордый дух во мне она сломила,
Пусть стали чувства робче и слабей, —
Все ж на душе так сладостно моей,
Что даже бледность мне чело покрыла...

Если Данте обращается здесь, под именем Беатриче, к своему священническому призванию, трудно поверить, что оно умерло, будучи отвергнуто. Между тем смерть наступила именно в этот момент, о чем сообщает нам сам Данте: «Я был еще за сочинением этой канцоны и окончил написанную выше строфу ее, когда Господь призвал Благороднейшую славить Его [*a gloriare*] под хоругвь благословенной царицы, девы Марии, чье имя было в величайшем по-

Марии, — но, тем не менее, в силу некоего необъяснимого богословского катаклизма, внезапно угасшее у нас на глазах.

Но это еще не последний сюрприз, приготовленный для нас сей непостижимой историей, потому что призвание, умершее в полном цвету и, как предполагается, оставленное Данте, — это призвание он любит мертвым ничуть не меньше, чем любил живым. Какие возгласы любви он обращает к нему даже по ту сторону смерти!

Poscia piangendo, sol nel mio lamento
Chiamo Beatrice, e dico: “Or se’ tu morta!”
E mentre ch’io la chiamo, me conforta.

(Но только лишь в сиротстве возрыдаю
Пред Беатриче: «Вот тебя уж нет!»
Как слышу с выси ласковый ответ).

(*Новая жизнь*, XXXI).

Год спустя, в годовщину смерти Беатриче, Данте пишет для нее стихотворение, где его любовь утверждает себя с доселе невиданной силой². Лишь позднее в его сердце зародится соблазн изменить Беатриче ради философии, а также совершить другую измену, о которой прямо не говорят ни «Новая жизнь», ни «Пир», но которую выдадут другие тексты, к коим нам еще предстоит обратиться. Во всяком случае, эта измена, будучи совершена уже после смерти Беатриче, ни в каком смысле не может ни отождествляться с нею, ни быть ее причиной. После периода ошибок, всю тяжесть которых мы увидим позже, Данте в конце концов оправился, его *tribulazione* (терзания) улеглись³, и «Новая жизнь» завершается клятвой верности. Чтобы отождествить Беатриче со священническим призванием Данте, нужно допустить, что призвание способно умереть, не будучи преданным, и что возможно предать его уже после его смерти.